
УДК 82.0(44)
ББК 83.3(4Фра)
X 14
Хаджиева Л.Л.

Преподаватель кафедры литературы и методики ее преподавания Чеченского государственного педагогического университета, соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: luna6677@mail.ru

Переосмысление романтических стереотипов фольклоризма в книге П.Мериме «Гузла» (Рецензирована)

Аннотация:

Анализируются проблемы фольклоризма в книге Пр.Мериме «Гузла» как части его философско-эстетической системы; рассматривается вопрос в контексте воззрений на фольклор в литературе романтизма. В результате автор приходит к выводам о качественной новизне концепции П.Мериме, связанной с пародийным, игровым переосмыслением традиционных образов, сюжетов и мотивов в его книге.

Ключевые слова:

Имитация, южнославянская поэзия, мистификация, стилизация, Балканы, аутентичное творчество, автохтонные народы, родовая архаика, анекдот, маска, типаж.

Khadzhieva L.L.

Lecturer of the Department of Literature and Technique of its Teaching, the Chechen State Pedagogical University, applicant for Candidate degree of Literature and Journalism Department, the Adyghe State University, e-mail: luna6677@mail.ru

Reconsideration of romantic stereotypes of folklorism in P.Merimee's book «Guzla»

Abstract:

The paper analyzes folklorism of the book «Guzla» by Prosper Merimee as a part of his philosophic-esthetic system. The question is examined in a context of views on folklore depicted in the Romanticism literature. As a result the author comes to a conclusion about qualitative novelty of the concept of P.Merimee related to parody and game reconsideration of traditional images, plots and motives in his book.

Keywords:

Imitation, South-Slavic poetry, mystification, stylization, the Balkans, authentic creativity, the autochthonic people, patrimonial archaic, a joke, a mask, a type.

По Г. Гачеву, каждая культура включает в себе Космо-Психо-Логос, т.е. единство национальной природы, склад психики и мышления, что в художественном тексте воплощается в образах растительно-животного мира, нравах, обычаях, образе жизни людей, поведения, особенностях мышления и сознании

героев, своеобразии выражения авторского сознания [1: 40]. Именно такой подход к художественному освоению фольклора мы наблюдаем в прозе Проспера Мериме, что пока мало осмыслено литературоведением. При всем масштабе, яркости, силе, глубине и привлекательности творчества П.Мериме в России его наследие недостаточно серьезно изучено. Можно назвать лишь отдельные статьи Б. Виппера, В. Лукова, В. Дынник, кандидатскую диссертацию А.В. Пихтовой «Русские переводы в контексте творчества Проспера Мериме», Москва, 2007 [2].

Важным этапом фольклористической деятельности П.Мериме стал сборник «Гюзла» («Ciuzla») («Гусли»). Имитация южнославянской поэзии, якобы собранной и переведенной прозой на французский язык неизвестным фольклористом, была выполнена так, что ее раскрыли немногие (среди них - Гёте). Искусная, профессионально сделанная стилизация была результатом серьезного научного интереса писателя к народной поэзии, она ввела в заблуждение даже А.С.Пушкина и А.Мицкевича. Изучение памятников балканского фольклора позволило П.Мериме создать произведение, близкое аутентичному творчеству южнославянских автохтонных народов, чей быт и национальное сознание в эту пору еще носили черты родовой архаики. Сборник продолжал линию «Театра Клары Газуль» серьезным интересом к сильным, цельным, самобытным характеристам, темой конфликта цивилизации и естественного человека, живущего в ладу с дикой природой и с самим собой.

Мало кто понял, что Мериме имитировал здесь около трех десятков песен иронически, пародийно, что скрыто здесь весьма глубоко и искусно. Этот своеобразный двойной эксперимент был вызван, с одной стороны, непосредственной и искренней целью «пропаганды» и сохранения аутентичного творчества коренных и малочисленных народов, с другой – реакцией на уже сложившийся к

концу 1820-х годов достаточно порочный опыт псевдофольклорных изданий, переложений и подражаний, который, в частности, неоднократно был отмечен В.Г.Белинским по отношению к русской литературе этого периода как проявление «квасного» патриотизма, заменяющего «лубочной» традицией подлинно народную культуру.

Несколько текстов были приписаны певцу Иакинфу Маглановичу, своего рода сербскому Оссиану, чей образ нарисован в предваряющей книгу заметке о нем. Макферсон создал поэмы об Оссиане как слишком вольное и чисто внешнее подражание исконным текстам древнекельтского эпоса, наполнив их псевдоромантическим антуражем, внешними эффектами, нагнетанием сентиментально-меланхолических настроений, совершенно чуждых органике и нарративу фольклорных текстов.

Задачи Мериме были иными. В сконструированной им мозаике иллирийских песен обнаруживается стремление здраво оценить гиперболизированное увлечение романтиков фольклорной архаикой, проявлениями в ней темноты, мистики и суеверий, муссирование всяческого средневекового мракобесия, ирония над чрезмерной романтической фрагментарностью. В то же время писатель хотел проникнуть в национальное сознание и психологию иного народа и приблизить его своеобразную и вовсе не примитивную культуру к читателю. «Гюзла» – это не стилизация и не подражание, а скорее всего очень квалифицированно сделанная реконструкция фольклорного текста с некоторыми элементами глубоко скрытой пародии. А.С.Пушкин в «Песнях западных славян» изменил характер своих вольных переводов по сравнению с Мериме, желая обогатить инокультурным фольклорным материалом русскую поэзию, дать представление о характере и национальном колорите этих народных песен.

К 1820-м годам в западноевропей-

ских литературах уже прошла предромантическая и раннеромантическая «мода» на кельтско-скандинавско-саксонскую старину и условно-восточную экзотику. Их место занял устойчивый интерес к славянству, своего рода эквиваленту некоего языческого скифства (как предтечи евразийства рубежа XIX-XX веков (ср. *панмонголизм* В.Соловьева и А.Блока, труды С.Трубецкого, Л.Гумилева), а также и к славянско-балтийству – А.Мицкевич, затем «Локис» Пр.Мериме).

Балканы – это вечное сочетание, пересечение и острое, достаточно конфликтное и непримиримое столкновение Востока и Запада, Европы и Азии, католицизма и православия, язычества, иудаизма и Ислама. Столкновение языков, конфессий, цивилизаций. Славяне, греки, романцы, турки. В южнославянском геополитическом ареале исторически сосредоточилось и нашло отражение в «Гузле» Мериме взаимовлияние и взаимоотторжение разных этнических культур, национальных характеров и национальных образов мира. С этой точки зрения «Гузлу», на наш взгляд, можно рассматривать как чрезвычайно важный в контексте всей его деятельности своеобразный подготовительный этап, «мастер-класс» Проспера Мериме для дальнейшей разработки им в последующем собственно художественном творчестве этих черт, связанных с интересом именно к этническим особенностям ментальности, личности, характера, социума («Матео Фальконе», «Таманго», «Коломба» и т.д.).

В «Гузле» происходит игра Проспера Мериме со штампами и клише романтического фольклоризма (или фольклористического романтизма). Здесь имеет место пародия на то явление, при котором из фольклорных элементов эпигоны романтизма выстраивали любые комбинации, легко оперируя ими в целях, далеких от духовно-эстетических, отнюдь не связанных с глубинными смыслами фольклора. Таковы следующие тексты: «О вампириз-

ме» (фольклорно-этнографический очерк объемом семь страниц), «Прекрасная Софья. *Лирическая сцена*», иллюстрирующая предыдущий текст, объемом 4 страницы. В «Примечаниях» автора она квалифицирована как «очень старинная баллада, облеченная в драматическую форму, редко встречающуюся в иллирийской поэзии. Считается образцом хорошего стиля у морлакских гузларов», «Константин Якубович» (монолитный прозаический текст объемом три страницы, по жанру близкий к *преданию*, также входящий в цикл о вампирах) [3].

П.Мериме в «Гузле» пользуется несколькими культурными кодами или дискурсами. Базовым дискурсом здесь можно назвать элементы мировоззрения традиционного общества в сочетании с южнославянским фольклором, языческой мистикой и мифологией. Писатель использует поэтику бытового анекдота, в котором «ситуация важнее персонажа» [4]. Хотя анекдот у Мериме – не типичный, принадлежащий смеховой культуре, а мрачный, созданный зачастую «по сценарию» готической прозы либо вообще романа ужаса, а также фольклорных страшилок («Конь Фомы П» (монолитный прозаический текст объемом один абзац, по содержанию и форме близкий жанру плача), «Волшебное ружье» (монолитный прозаический текст объемом 3 страницы). Но на самом деле П.Мериме возвращает читателя к первому, исконному значению слова анекдот – «короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица... с неожиданной концовкой» [4: 233]. В то же время у Мериме, как обычно, герой анекдота – маска, типаж. Поэтому, как и в бытовых анекдотах, у Мериме в одних и тех же сюжетных ситуациях разных произведений действуют разные лица, одинаковые фразы приписываются разным персонажам. Пересекаются принципы исторического анекдота, замаскированного под

подлинный случай (с реальными именами исторических лиц), и бытового (с его условностью и изначальной неправдоподобностью, вполне очевидной для читателя). Национальный, этнический колорит может выступать и как декорация, маскирующая истинное положение вещей в цивилизационном мире: «Конь Фомы П», «Волшебное ружье», «Умиравший гайдук» (монолитный прозаический текст объемом половина страницы), «Девушка в подземном царстве» (монолитный прозаический текст объемом также половина страницы).

Анализ якобы рассказываемых народными певцами и сказителями анекдотических случаев показывает, что данные эпизоды оформлены по так называемому смешанному типу, совмещающему законы анекдота и мрачной сюжетики и символики устной фольклорной прозы. Исторический и мистический анекдот органично встраивается в цикл текстов балладного характера прежде всего потому, что выполняет схожие функции и «работает» на реализацию главной задачи творчества писателя. Анекдот выполняет функцию, связанную с механизмом парадоксального снятия оппозиций. Анекдот у П.Мериме одновременно выражает и неоднозначность, «амбивалентность любого общественного явления, что лишает его непререкаемости, прямолинейности и категоричности» [5: 16]. Тем самым анекдот обнаруживает и скрытую реальность, стимулирует критику официальной морали, придает динамизм и разнообразие имитируемой писателем жизни. Эпоха, в которой творил и которую описывал П.Мериме, актуализовала формат личности с чертами, уходящими своими корнями в народную культуру, с архетипической фольклорной основой и современными социально-нравственными и философскими проекциями. Частично маргинальные (с современной точки зрения) герои П. Мериме реализовали

некоторые архетипические черты дурака/юродивого/шута, причудливо совместив в себе фольклорную и литературную линии: «Грустная баллада о благородной супруге Асана-Аги» (монолитный прозаический текст объемом две страницы), «Милош Обилич» (монолитный прозаический текст объемом три страницы).

К данному подтипу отчасти можно отнести и автопсихологического героя-рассказчика. Второй подтип – простые люди «из народа». Они являются носителями примитивного типа мышления. Есть также ряд персонажей, не являющихся в целом маргинальными, но проявляющих какие-то отклонения от социальной нормы, с алогичными либо странно-необычными поступками. В этих типах есть черты фольклорного образа, близкого к житийному образу юродивого, особая поведенческая и речевая выразительность, парадоксальный взгляд на мир, неоднозначность восприятия его людьми (святой / сумасшедший), связь с демократической культурой. В «Гузле» писатель проявляет явный интерес к «причудам реальности», к изображению людей, их действий и поступков, непредсказуемых, отклоняющихся от нормы поведения. Человек в сюжетах «Гузлы» находится в плену необъяснимых суеверий, мистических иерархий, неотвратимых явлений, связанных с роком и судьбой. Создается впечатление, что в каждом персонаже и сюжете Просперу Мериме дорого какое-то отклонение от нормы, что-то выбивающееся из обычного хода вещей. Автор как действующее лицо текста находится в тени, «прячется» за ширму Иоакимфа Маглановича, в свою очередь являющегося также лишь якобы носителем, а не создателем текстов. Маски, шифры, коды, к которым прибегает автор, ставят целью пародировать различные шаблоны – идеологические, политические, литературные, эстетические. Он иронизирует и над интересами и вкусами «наивного» читателя, над стереотипами его литератур-

ного и бытового мышления. Во многих текстах «Гузлы» используется фольклорный архетипический мотив превращения, когда в фольклорном сознании воплощаются представления о перемене сути образа. Возникает распространенный в фольклоре и литературе мотив двойничества, зеркальности. Это передает странность, невероятность, мистичность повседневной жизни «с полной неразличимостью в ней правды и вымысла, фантастического и реального, изображает по сути трагический конфликт духовного и бездуховного, нарушение гуманистических норм в обществе» [5: 14].

В текстовом пространстве «Гузлы» постоянно происходят пересечения «своего» и «чужого», причем в этом пространстве, как и в фольклорном тексте, все настолько глубоко и тщательно переплетено, «перемешано», что теряется ощущение четких ориентиров. Это пересечение «своей-чужой» имеет, по крайней мере, три основных уровня – уровень автора, уровень вымышленного носителя информации и комментариев к ней Иоакима Маглановича, уровень многочисленных и многоголосных персонажей самих якобы фольклорных текстов разных сюжетов, жанров, стилей («Боярышник рода Велико», «Видение Фомы П, короля Боснии. Песня Иоакима Маглановича», «Морлак в Венеции», «Погребальная песня», «Господарь Меркурий»). Важную роль в идейно художественной структуре «Гузлы» играют призраки. Как и в шекспировских трагедиях, по верному определению Б.Р.Напцок,

«обладая сверхъестественной способностью являться и исчезать, они напоминают об ужасных деяниях – о вероломном предательстве и коварных убийствах» [6: 17 - 24]

Бинарные оппозиции также широко применяются в «Гузле» («Возлюбленная Данизича», «Красавица Елена» «Осглазе»: «Максим и Зоя», «Дурной глаз», «Пламя Перрушича», «Баркарола»), являясь одной из конструктивных частей художественного пространства, служат созданию конфликтов, выявлению жизненных противоречий, выражают диалогизм и полифоничность этого пространства («Ивко», «Импровизация Иоакима Маглановича», «Экспромт»).

В то же время понятия «свой» и «чужой» являются относительными и зависят от точки зрения, то есть способа субъективной организации текста. Единство и борьба полярных и темных сил, сложность и непостижимость бытия, апокалиптическая неотвратимость конца, относительность любой истины – это философские аспекты, возникающие в результате динамики отношений внутри исследуемых оппозиций, что проявляет себя и на уровне фольклорных влияний в следующих текстах: «Вампир», «Ссора Лепы и Черногора», «Любовник в бутылке», «Кара-Али, вампир», «Побратимы», «Черногорцы». «Гузла» следует многим конкретным заимствованиям, разрабатывает, специфически преломляет и зачастую преодолевает в литературных текстах фольклорные жанры и архетипы.

Примечания:

1. Гачев Г.Г. Национальные образы мира. М., 1988. 340 с.
2. Пихтова А.В. Русские переводы в контексте творчества Проспера Мериме. М., 2007. 19 с.
3. Мериме П. Гузла // Мериме П. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. 541 с.
4. Анекдот. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. 678 с.
5. Орлова Н.А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы

-
- и фольклорная парадигма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 21 с.
6. Напцок Б.Р. Образ Призрака в «Гамлете» У. Шекспира: на пути к «готической» литературной традиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. 1. С. 17-24.

References:

1. Gachev G.G. National images of the world. M., 1988. 340 pp.
2. Pikhtova A.V. Russian translations in the context of Prosper Merimée's works. M., 2007. 19 pp.
3. Merimée P. Guzla // Merimée P. Col. works: in 6 vol. V. 1. P. 75-150.
4. A joke. The short literary encyclopedia. V. 1. M., 1962. 678 .
5. Orlova N.A. The poetics of comic things in S. Dovlatov's prose: semiotic mechanisms and a folklore paradigm: Dissertation abstract for Candidate of Philology degree. Maikop, 2010. 21 pp.
6. Napsok B.R. The image of ghost in W. Shakespeare's «Hamlet»: on the way to «Gothic» literary tradition // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts», Maikop, 2009. Issue 1. P. 17-24.